

национальная идентичность финно-угорских народов

А. К. Конюхов,
кандидат социологических наук, директор
ООО «Центр социальных технологий» (г. Сыктывкар,
Коми)

Национальная идентификация — добровольное отождествление отдельного человека или большой группы людей с определенной национальностью¹. Так проявляется национальное самоопределение личности. Отождествляя себя с той или иной национальностью, человек выражает факт разделения человечества на национальные группы и свою включенность в групповую, внутринациональную интеграцию. Это механизм формирования и сохранения национального (этнического) самосознания и такого его базового феномена, как национальная (этническая) идентичность².

Национальная (этническая) идентичность — результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествления индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко лично значимое переживание своей этнической принадлежности. Одновременно это результат самокатегоризации, достигаемой индивидом в итоге конструирования образа окружающего мира и своего места в нем (Т.Г. Стефаненко). Истинная национальная идентичность человека может не совпадать с официально предъявляемой или приписываемой национальной (этнической) принадлежностью. Она не тождественна этническому самосознанию, так как наряду с причислением индивидом себя к представителям своего народа предполагает прежде всего глубоко значимое переживание данной принадлежности как одну из важнейших составляющих в системе представлений личности о себе.

Если идентификация — это процесс, благодаря

которому реализуется этническое отождествление, то идентичность — результат и итог процесса идентификации (Н. Tajfel). Становление и развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, которые интегрируются в систему составляющих целостной идентичности (Е. Erikson). Основными критериями национальной идентификации могут выступать родной язык, общность происхождения, культура, традиции, религия, общее историческое прошлое, чувство привязанности к земле, своей Родине, общая территория проживания и многое другое. В разные исторические периоды у разных народов доминирующая роль принадлежит то одним ведущим критериям этнической идентификации и этноидентифицирующим признакам, то другим. Посредством идентификации транслируются и усваиваются эталоны и этнические стереотипы поведения, нормы и ценности, традиции и обряды народа, осуществляется становление этнически обусловленного мировосприятия.

Среди важнейших факторов, определяющих отношение каждого человека к своему народу, специалисты традиционно называют уровень национального самосознания; отношения к родному языку, национальным традициям; понимания общности исторической судьбы и т. д. Национальный идентитет, все его компоненты являются важными признаками жизнестойкости народов, когда они, как, например, все финно-угры Российской Федерации, находятся в состоянии численного меньшинства на своих этнических территориях. Требуют изучения факты их относительно быстрой ассимиляции в последние 70—80 лет, а также аккультурации, особенно с

© А. К. Конюхов, 2008

развитием таких явлений, как массовая культура, телевидение, Интернет и др.

Интересными с точки зрения этнической самоидентификации могут быть ответы на вопрос «Что Вас больше всего сближает со своим народом, с представителями своей национальности?». Проведенные еще в 1991—1992 гг. опросы коми-населения, а также опросы представителей финно-угорских народов 2005—2006 гг. позволили выявить тенденцию возрастания роли исторического сознания в качестве одного из ведущих этнообразующих факторов наряду с «общепризнанными» — общностью языка и территории проживания³. Память о героических страницах в жизни народов и, наоборот, трагедиях и страданиях вносит свой огромный вклад в формирование и стабильность чувства общности, которое является основой национального существования и преемственности, жизнестойкости наций.

Исследование среди коми, живущих на своей этнической территории, показало, что, идентифицируя себя со своим народом, они в первую очередь отмечают общность языка, во вторую — чувство родины, далее — общность исторической судьбы (табл. 1).

Аналогичный результат был получен при опросе делегатов I съезда финно-угорских народов Российской Федерации (г. Ижевск, май 1992 г.). Близкие данные дал и опрос участников языковой конференции в 2005 г. При этом исторический фактор составил около 40 % мнений, однако в рейтинге оказался на четвертом месте, уступив такому признаку, как обряды, обычаи, привычки. В опросе делегатов III съезда (г. Москва, октябрь 2005 г.)

он уже прочно обосновался на третьей позиции с более чем 60 %. Увеличение мы связываем прежде всего с возрастанием роли так называемого общепинноугорского фактора.

Сдвиг приоритетов наблюдался при опросе комидиаспоры — членов московского землячества (декабрь 1990 г., 36 чел.), а также делегатов I Всемирного конгресса финно-угорских народов в Сыктывкаре (декабрь 1992 г., 80 чел.). Например, «москвичи» отметили, что больше всего сближают, роднят их со своим народом родная земля, ее природа (67,6 %), чувство общности происхождения, историческая судьба (58,8), язык (52,9), черты характера, темперамента (23,5 %). Язык по вполне понятной причине, связанной с жизнедеятельностью «москвичей» в иноязычной среде, не играет доминирующей роли. Участники же и делегаты I конгресса, прежде всего за счет иностранных граждан — венгров, финнов и эстонцев, ранжировали признаки следующим образом: 75,0 % — чувство общности происхождения, историческая судьба; 68,8 — язык, 48,8 % — чувство родины.

Тенденция возрастания роли исторического сознания как фактора консолидации и самоидентификации характерна для финно-угорской общности в целом, а также для актива конкретных народов. Не случайно на вопрос «Что Вас больше всего сближает, роднит с представителями других финно-угорских народов?» дали ответ «чувство общности происхождения, историческая судьба» 79 % респондентов — делегатов российского съезда в Ижевске и 75 % — Всемирного конгресса в Сыктывкаре.

Однако в целом для данного этнообразующего при-

Таблица 1
**РАНЖИРОВАННЫЕ МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ О ТОМ,
 ЧТО ИХ БОЛЬШЕ ВСЕГО СБЛИЖАЕТ СО СВОИМ НАРОДОМ, %**
 (итог превышает 100 %)

Язык	66,1	63,5	73,2
Родная земля, ее природа	62,5	60,8	68,6
Чувство общности происхождения, историческая судьба	60,7	39,2	28,2
Обряды, обычаи, традиции	41,1	48,7	20,0
Черты характера, темперамента, манеры поведения	14,3	28,4	10,5
Национальная одежда и пища	8,9	5,4	5,9
Религия	7,1	5,4	1,4
Совместная экономическая и хозяйственная деятельность	3,6	12,6	6,8
Внешний облик	3,6	4,1	4,5

* По данным опроса делегатов III съезда финно-угорских народов Российской Федерации (Москва, 12—14 октября 2005 г., 56 чел.).

** По данным опроса участников Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы функционирования родных языков» (Ижевск, 25—28 октября 2005 г., 72 удмурта и 2 марийца).

*** По материалам исследования среди населения коми-национальности в Республике Коми в возрасте 15 лет и старше по республиканской выборке (октябрь—ноябрь 1992 г.).

знака характерны противоречивые показатели: от более 60 % среди делегатов съезда до чуть менее 18 % у сельских мордвин. Этот признак чаще отмечают представители актива народов (делегаты съезда, актив мордовского национального движения (53,0 %), контрольная группа (48,5 %), также в основном состоящая из активных членов народов), чем обычные респонденты с невысоким образовательным уровнем (например, сельские мордвины). Следует отметить невысокий процент данного признака и среди представителей других народов, в основном русских. Однако для финно-угров, у которых родной язык становится все менее значимым признаком идентитета, это служит маркером аккультурации и ассимиляции. Причиной такого положения, на наш взгляд, является плохое знание истории своих народов, которая недостаточно изучается в учебных заведениях, а также отсутствие доступной научно-популярной литературы.

В экспертных опросах конца 2005 — начала 2006 г. в Мордовии на вопрос об этнообразующих признаках большинство респондентов в целом (актив мордвин — 100 чел.; студенты-мордвины — 100; студенты-русские — 100; сельские морвины — 96 чел.) дали ответ «родная земля, ее природа». Родной язык оказался на втором месте, общность исторической судьбы — на третьем, а национальные традиции — на четвертом. Другими словами, общая историческая территория, имеющая ныне национально-административный статус, респондентами воспринимается как главный фактор, определяющий национальную идентификацию, более важный, чем родной язык. Факты свидетельствуют о том, что многие финно-угры России, полностью перейдя на русский язык и явля-

ясь «продуктом русской культуры», тем не менее продолжают считать себя представителями финно-угорских народов. Более того, чувство национальной принадлежности у них даже обостряется. Подобные явления отмечаются во всем мире. Например, ирландцы и шотландцы практически полностью перешли на английский язык, но сохранили свою национальную принадлежность. То же самое касается различных народов Латинской Америки, говорящих на одном, испанском, языке, и многих народов других континентов земли.

Такие признаки, как совместная экономическая и хозяйственная деятельность, черты характера, темперамента, манера поведения, не дают сколько-нибудь значительных различий между финно-уграми и, например, русскими. В разных опросах первый признак дает лишь от 3 до 13 %, второй — от 12 до 28 %. В первом случае ничего удивительного нет — все российские финно-угры давно включены в единое экономическое пространство, причем практически не осталось таких отраслей экономики, которые были бы специфичны для коренных народов. Исключение составляет лишь оленеводство, которое является также образом жизни для многих манси, хантов и ненцев. Такая, считавшаяся ранее традиционной, отрасль, как рыболовство, испытала на себе значительный приток рабочей силы извне.

Заметим, что и оленеводство сейчас испытывает на себе последствия давления моноструктурной экономики, опирающейся на топливно-энергетический комплекс. Так, например, экспертный опрос делегатов VIII съезда коренных малочисленных народов Севера показал, что реализация права на ведение традиционного хозяйства находится лишь на шестом месте среди основных про-

Таблица 2

**РАНЖИРОВАННЫЕ МНЕНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
НАИБОЛЕЕ АКТУАЛЬНЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
(итог превышает 100 %)**

<i>Создание рабочих мест для аборигенов</i>	49	80,3
<i>Обеспечение жильем</i>	43	70,5
<i>Реализация права на сохранение традиционной культуры и языка</i>	27	44,3
<i>Алкоголизм значительной части населения</i>	26	42,6
<i>Законодательное обеспечение жизнедеятельности аборигенов</i>	23	37,7
<i>Реализация права на ведение традиционного хозяйства</i>	20	32,8
<i>Отток молодежи из сел в города</i>	14	23,0
<i>Альтернативная гражданская служба для юношей призывного возраста</i>	7	11,5
<i>Трудности с получением полноценного образования в сельских школах (нехватка учителей, слабая материальная база)</i>	6	9,8
<i>Вовлечение аборигенов в религиозные секты</i>	4	6,6
<i>Другое</i>	4	6,6

блем⁴. Экспертов в основном волнуют проблемы создания рабочих мест и обеспечения жильем, что актуально и для других финно-угорских народов (табл. 2). Несмотря на то что многие эксперты не ведут традиционного хозяйства, их мнение относительно мер, которые были приняты государством по решению проблем северных народов через развитие традиционных отраслей их хозяйствования, важно (табл. 3, 4).

Такие признаки, как «внешний облик», а также «национальная одежда и пища», не играют ключевой роли в национальной идентификации респондентов. Более высокие значения они получили среди опрошенных сельских жителей — мордвин и коми — по 11,5%. Видимо, это своеобразная «компенсация» значительно более низкого, чем у других, рейтинга общности происхождения, исторического прошлого. Все же за счет представителей малочисленных народов Севера параметр «внешний облик» в общем составил 9,1%: ханты, манси и особенно ненцы антропологически отличаются от представителей других окружающих их народов.

Несмотря на значительную пропаганду религиозных ценностей, православной церкви как одного из основных институтов российского общества, религия также не является этноконсолидирующим фактором для финно-угорских народов. В исследовании 1992 г. лишь 1,4 % коми-респондентов назвали ее в качестве одного из признаков национальной консолидации. Правда, опрос 2006 г. дал здесь уже 6,1 %. В целом же разброс значений составляет от 3 % среди активистов мордовского национального движения до 25 % среди студентов-мордвин, что в общем подтверждает рост влияния религии на различные сферы жизнедеятельности людей в последнее время. При этом студенты в целом отводят религии

Таблица 3

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
«ВЕДЕТ ЛИ ВАША СЕМЬЯ
ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО?»**

<i>Да</i>	24	39,3
<i>Нет</i>	37	60,7
<i>Всего</i>	61	100,0

Таблица 4

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
«КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ,
ОПРАВДАЛИСЬ ЛИ НАДЕЖДЫ НА ТО,
ЧТО ВЕДЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО
ХОЗЯЙСТВА МОЖЕТ РЕШИТЬ
МНОГИЕ ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВ СЕВЕРА?»**

<i>Да, оправдались</i>	12	19,7
<i>Не очень-то оправдались</i>	32	52,5
<i>Совсем не оправдались</i>	3	4,9
<i>Другое</i>	4	6,6
<i>Затрудняюсь ответить</i>	10	16,4
<i>Всего</i>	61	100,0

более значительное место, чем люди старших поколений, а финно-угры — менее значительное, чем представители русской национальности.

Важным элементом национального идентитета являются также традиции, обычаи и обряды, особенно у финно-угорских народов Российской Федерации, так как у многих из них трансмиссия знаний о собственных народах, передача исторического опыта, часто происходит, к сожалению, исключительно устным путем. Недостатки образовательной системы в плане обучения языкам, истории народов, а также информационных систем (СМИ и т. д.) продолжают актуализировать устную традицию, семейное национальное воспитание. Как показывают опросы, традиции, обычаи и обряды по важности для идентитета респондентами ставятся на третье-четвертое место рядом с чувством общности происхождения, исторической судьбой. Ученые-языковеды, студенты-мордвини и сельские мордвини отводят традициям третью позицию (табл. 5), делегаты съезда, актив мордовского движения и респонденты контрольной группы — четвертую.

Следует отметить, что русские респонденты в меньшей степени маркируют данный признак как этнодифференцирующий, чем представители финно-угорских народов. Это прослеживается во всех опросах. Аналогичная картина наблюдается и с такими признаками, как язык и родная земля. Для русских, судя по всему, язык не является «больной» проблемой. Согласно ранжированию, он, как правило, находится на второй позиции.

Исходя из результатов предыдущих исследований, а также проведенных нами экспертных опросов первая позиция в ранге этнообразующих признаков всегда принадлежала родному языку. Так было и в исследовании по Республике Коми в 2003 г.: первое место с 73,2% занимал язык; второе с 68,6% — родная земля, ее природа. В 2006 г. признаки поменялись местами, причем разрыв между ними стал значительнее.

При ранжировании ответов студентов Мордовского госуниверситета были получены похожие результаты. Понятно, что для русских студентов язык является в меньшей степени этнодифференцирующим признаком, но результаты опроса ставят больше вопросов, чем дают ответов. Сравнительные исследования, проведенные по

общереспубликанской выборке в Коми, тоже свидетельствуют о смене приоритетов. Означает ли это существенный сдвиг в национальном идентитете и самосознании?

В структуре национальной идентификации выделяются два основных компонента: когнитивный и аффективный (эмоционально-ценностный). Первый объединяет знания и представления о национальной принадлежности, о своей и чужих этнических группах (этническая осведомленность), самоназвание (этнический ярлык-этноним), основные критерии этнической идентификации, этнодифференцирующие и этноидентифицирующие признаки. Второй компонент включает в себя удовлетворенность собственной этнической принадлежностью, оценку ее значимости, желание принадлежать к этнической группе, а также комплекс этнических чувств (гордости, любви, преданности, приверженности, солидарности, самоуважения и достоинства, обиды, стыда, вины, ущемленности, униженности и др.)⁵. Аффективный компонент в значительной степени проявляется в историческом сознании, исторической памяти, в чертах характера, темпераменте, манере поведения индивида, что в целом отражает его отношение к факту собственной национальной принадлежности, к своей этнической общности в целом, а также ее оценку.

Под значимостью национальной идентичности понимается субъективная важность этнической субидентичности человека. В соответствии с валентностью идентичность характеризуется как позитивная или негативная. Позитивная идентичность является наиболее естественной, нормальной и более распространенной для большинства людей формой, когда чувство национальной принадлежности порождает ощущение стабильности, безопасности и защищенности. Негативная идентичность, которая является результатом неблагоприятного межэтнического сравнения, отражает негативную оценку представителей своей этнической группы. Чаще она присуща представителям недоминантных национальных групп и меньшинств и связана с комплексом таких обусловленных национальной принадлежностью чувств, как неуверенность, неполноценность, униженность, ущемленность, стыд за свой народ и др.

Среди финно-угорских народов Российской Федера-

Таблица 5
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
«ЧТО ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО СБЛИЖАЕТ, РОДНИТ СО СВОИМ НАРОДОМ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВАШЕЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ?», %

<i>Обряды, обычаи, традиции</i>	<i>41,0</i>	<i>48,6</i>	<i>33,0</i>	<i>23,0</i>	<i>34,4</i>
<i>Родная земля, ее природа</i>	<i>58,0</i>	<i>60,8</i>	<i>67,0</i>	<i>66,0</i>	<i>51,0</i>
<i>Чувство общности происхождения, историческая судьба</i>	<i>45,0</i>	<i>39,2</i>	<i>28,0</i>	<i>33,0</i>	<i>17,7</i>
<i>Язык</i>	<i>63,0</i>	<i>63,5</i>	<i>50,0</i>	<i>39,0</i>	<i>56,3</i>

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК ВАМ КАЖЕТСя, ЛЮДИ ВОКРУГ ВАС ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОД-ДВА В ЦЕЛОМ СТАЛИ БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ ГОВОРИТЬ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ ИЛИ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ?», %

<i>Безусловно больше</i>	<i>8,0</i>	<i>6,0</i>	<i>7,0</i>	<i>11,5</i>	<i>1,8</i>	<i>1,8</i>
<i>Скорее больше</i>	<i>16,0</i>	<i>27,0</i>	<i>21,5</i>	<i>20,8</i>	<i>9,1</i>	<i>13,8</i>
<i>Ничего не изменилось</i>	<i>16,0</i>	<i>42,0</i>	<i>29,0</i>	<i>27,1</i>	<i>41,5</i>	<i>41,1</i>
<i>Скорее меньше</i>	<i>47,0</i>	<i>12,0</i>	<i>29,5</i>	<i>22,9</i>	<i>23,8</i>	<i>27,3</i>
<i>Безусловно меньше</i>	<i>13,0</i>	<i>9,0</i>	<i>11,0</i>	<i>13,5</i>	<i>10,6</i>	<i>11,0</i>
<i>Затрудняюсь ответить</i>		<i>4,0</i>	<i>2,0</i>	<i>4,2</i>	<i>13,2</i>	<i>4,9</i>

ции негативная национальная идентичность — достаточно распространенное явление. В качестве наглядного примера можно привести неупотребление родных языков в общественных местах, на работе, вытеснение языковой практики исключительно в семейно-бытовую сферу. Различные опросы в целом демонстрируют эту тенденцию (табл. 6).

Считают, что люди стали меньше говорить на мордовских языках, сельские мордвины — 36,4 %, студенты — 40,5, причем студенты-мордвины — 60,0 %. Это в целом вписывается в ассимиляционную, а точнее в аккультурационную направленность языковых и национальных процессов среди российских финно-угров. Различные социологические исследования последнего времени показывают, что молодые люди меньше используют свой родной язык, чем люди старших поколений, или вовсе его не знают⁶. Высокий процент студентов-мордвин, ответивших, что говорить на национальных языках стали меньше, на наш взгляд, демонстрирует еще одно явление. Как правило, это выходцы из сельской местности, где национальные языки чаще употребляются в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в общественных местах. При попадании студентов в городскую среду сфера бытования их родных языков резко сужается, что нередко приводит к смене ими своей национальной идентичности, особенно на факультетах и специальностях, которые не связаны с дальнейшим изучением родных языков.

Полагают, что в общественной практике национальных языков в основном ничего не изменилось русские студенты Мордовского госуниверситета — 42,0 %, жители Республики Коми — 41,5 %. Русские студенты также ответили, что национальные языки стали больше звучать в общественных местах: 33 % против 21 % противоположных ответов. Следует отметить, что опрошались студенты гуманитарных факультетов, которые в отличие от мордвин стали чаще сталкиваться с носителями национальных языков. Все же реальная общественная языковая практика говорит об уменьшении доли национальных языков. Например, совокупность отрицательных

ответов коми-респондентов очень близка к нейтральным — 38,3 %, а доля тех, кто считает, что коми язык стал звучать в общественных местах меньше, в 2,5 раза превышает долю тех, кто уверен в обратном.

Однако мнения экспертов и специалистов рисуют другую картину. Так, положительно оценили общественную практику своих языков почти 38 % делегатов съезда финно-угорских народов. Хотя положительных и отрицательных оценок примерно поровну, разница в ответах экспертов и рядовых респондентов налицо. Еще больше положительных ответов было получено в опросе специалистов-языковедов — 47,3 %, а также активистов мордовского национального движения — 64,0 % (табл. 7). Доля положительно ответивших на этот вопрос значительно отличается от той, которая, например, была получена в республиканском опросе 2006 г. среди представителей коми-национальности.

На наш взгляд, возникшие противоречия могут быть объяснены рядом причин. Первая и самая главная заключается в том, что предыдущие 10—15 лет были отмечены активизацией национального самосознания финно-угорских народов, в том числе его политизацией. Все это проявилось в отношении к родным языкам как маркерам национального возрождения. Республиканскими и региональными властями были приняты меры по их сохранению и развитию. Это видят и чувствуют представители финно-угорских элит, которые активно участвуют в данном процессе⁷. Однако до простых обывателей в массовых формах — в образовании, СМИ, книгоиздании, делопроизводстве, повседневном быту — эти изменения не доходят или доходят со значительным опозданием. Как показывает исторический опыт, в частности недавний — 1950—1960-х гг., шаги по восстановлению общественного, в том числе государственного, статуса национальных языков осуществляются гораздо сложнее (и во временном измерении), чем таковые по их ограничению.

Вторая причина заключается в территориально-временных различиях вышеназванных мер. Если в Республике Коми они стали приниматься еще в начале

Таблица 7
**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС
 «КАК ВАМ КАЖЕТСя, ЛЮДИ ВОКРУГ ВАС
 ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОД-ДВА В ЦЕЛОМ СТАЛИ БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ
 ГОВОРИТЬ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ
 В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ ИЛИ НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ?», %**

Безусловно больше	5,9	14,9	28,0
Скорее больше	19,6	32,4	36,0
Ничего не изменилось	23,2	25,7	15,0
Скорее меньше	25,0	17,6	18,0
Безусловно меньше	8,9	8,1	2,0
Затрудняюсь ответить	5,4	1,4	1,0

1990-х гг., то в Удмуртии и Мордовии — позже. В Коми к настоящему времени потеряна динамика этого процесса, с чем и можно связать отрицательные оценки респондентов. В Удмуртии же процесс находится на пике развития, а в Мордовии — в его начале. Отсюда и столь «восторженный» взгляд мордовской национальной элиты.

Аналогичная ситуация складывается и с использованием национальных языков на работе⁸. Если среди специалистов-языковедов не используют родной язык на работе или используют его редко 14,9 %, то коми-респонденты показали 61,1 %. Следует отметить, что применение родного языка не есть полная погруженность в соответствующую атмосферу. Из языковедов часто используют родной язык 60,9 %. Инструментарием Коми республиканского исследования 2003 г. предусматривались лишь два ответа на данный вопрос: «да, использую» и «нет, не использую». В исследовании 2006 г. вопрос был поставлен несколько иначе с целью определения соответствующей языковой атмосферы респондентов: «На каком языке или языках Вы обычно общаетесь на работе?» Структура ответов говорит о незначительной доле присутствия родного языка в трудовой сфере представителей коми. Сельские жители не так уж часто используют коми-язык, что, естественно, не способствует его развитию в целом.

Таким образом, из полученных данных вырисовывается противоречивая картина: одно мнение — у экспертов, совсем другое — у рядовых респондентов.

Несмотря на положительные сдвиги в области применения родных языков финно-угорских народов Российской Федерации, они пока не стали востребованными как общественное явление, в том числе в трудовой сфере. О положительной оценке общественной востребованности финно-угорских языков даже в их республиках говорить рано. А следствием негативной оценки своей этногруппы и самоотождествления с ней может быть стремление сменить свою языковую ориентацию и соответственно национальную принадлежность (Н. Tajfel, J. C. Turner и др.).

Одним из важнейших элементов самоидентификации личности выступает ее национальная принадлежность. Как уже было отмечено, истинная национальная идентичность человека может не совпадать с официально предь-

являемой или приписываемой национальной (этнической) принадлежностью. Национальная принадлежность — нахождение человека в составе определенной национальности, адекватным выражением которого служит национальное самосознание личности. Это способность человека быть индивидуальным субъектом национальных ценностей, носителем национальной чувствительности, гордости и достоинства. Свою национальную принадлежность человек определяет по собственному волеизъявлению. Национальная принадлежность отличается от подданства, выражающего принадлежность человека к конкретному государству. Если гражданство человека имеет правовую природу, то национальная принадлежность предполагает лишь моральные обязательства. Отказ административных органов записать в паспорте национальность, которую избрал гражданин, расценивается как ограничение его прав⁹.

В обществе бывают лица, имеющие двойное гражданство, но не может быть человека вне определенной национальной общности. Лица, занимающие переходное положение между двумя национальностями, являются маргиналами. Термин «национальные маргиналы» употребляется для обозначения особого статуса и поведе-

ния, сознания и психологии тех субгрупп людей, которые в силу различных обстоятельств находятся между национальными группами. В ситуации маргинальности оказываются так называемые культурные гибриды (Р.Парк), балансирующие между доминирующей в обществе группой, полностью никогда их не принимающей, и группой, из которой они выделились. Некоторые исследователи относят к национальным маргиналам и тех людей, которые по признаку родного языка находятся в составе иной группы, чем их родители¹⁰. В России бытует мнение, что «маргинализованные националы», утратившие связь со своей национальностью, навязывают обществу собственное видение национальных проблем. Многие из них считают ассимиляцию прогрессивным процессом, подводя теоретическую базу под нарушение системы федеративных отношений, недооценку значимости национально-культурной автономии, под развитие одностороннего национально-русского билингвизма.

Методикой социологического опроса 2007 г. не предусматривалось предъявление участникам перечня финно-угорских народов, как это было во время переписи населения. Национальность респондентов записы-

Некоторая путаница отмечается с этнонимами «мари», «мариец». Например, 324 респондента марийской национальности в Республике Марий Эл назвали своих матерей «марийка», 41 — «мари». Правильное написание этнонима «мари» наиболее распространено у молодежи¹². Это свидетельствует и о том, что в системе школьного образования данная проблема решается.

В социологических опросах крайне редко встречаются ответы о двойной национальной принадлежности. Так, по исследованному массиву в 7558 чел. собственную двойную принадлежность отметили четыре респондента (коми-русский, русский-татарин, украинец-белорус, финн-швед), отца — один (немец-поляк), детей — трое (татарин-русский, метис). Также в трех случаях вместо национальной назывались сословная и территориальная принадлежность. По отношению к матери — сибирячка и казачка, по отношению к ребенку — казак.

На вопрос о значимости национальной принадлежности небольшое число (в среднем только 7,1 % по всем регионам) респондентов, участвовавших в исследовании, ответили, что она совсем не значима для них. Максимальный процент ответов был получен в Удмуртской Республике (15,1 %) и Самарской области (13,6 %). Причем если в Удмуртии не выявлено различий относительно национальной принадлежности ответивших подобным образом, то в Самарской области представители других национальностей (16,5 %) преобладают над мордвинами (10,7 %). В связи с этим следует отметить, что для представителей не финно-угорских национальностей (в основном русских) национальная принадлежность значима несколько в меньшей степени. Так, в среднем по регионам национальная принадлежность совсем не значима для 5,2% финно-угров и для 8,0 % представителей других национальностей. Наряду с Самарской областью наибольшая дифференциация выявляется в республиках Коми и Марий Эл.

В табл. 8 приведены данные по регионам и представителям финно-угорских национальностей, где указанная разница заметна, но в меньшей степени. В данных регионах опросы проводились методом «снежного кома», что, на наш взгляд, в целом повлияло на невысокие проценты в ответах респондентов.

Обратная дифференциация, когда для финно-угорских народов в большей степени совсем не значима национальная принадлежность, чем для представителей других национальностей, наблюдается в Коми-Пермяцком округе — 8,1 против 4,8% и в Ханты-Мансийском автономном округе — 9,9 против 5,4%.

Таким образом, было установлено, что этническая принадлежность сохраняет свою значимость для большинства жителей исследованных регионов разных национальностей. Значимость (очень значима, значима) национальной принадлежности колеблется в диапазоне от 67,3 % в Республике Мордовия до 57,6 % в Удмуртской Республике по первой группе регионов (в ситуации немобилизованной этничности) и от 80,2% в Ямало-Ненецком автономном округе до 45,9% в Самарской

валась непосредственно с их слов, по самоопределению. Так, несмотря на то что опрос проходил и в Ижемском районе Республики Коми, и в ряде северных регионов, где проживает этнографическая группа коми-ижемцев, никто из респондентов не идентифицировал себя как коми-ижемец. Только трое назвали своим родным языком коми-ижемский; в данном случае эти ответы не выходят за рамки диалектной формы коми-языка. Среди опрошенных за пределами Республики Коми лишь несколько человек привели старое название коми, проживающих севернее коми-пермяков, — «зыряне». Этноним «ингерманландец(ка)» также встречается несколько раз среди пожилых жителей Республики Карелия, их дети идентифицируются уже как финны. Встает вопрос: а так ли необходимо при всероссийской переписи населения дробить народы на этнографические и территориальные группы, как это, например, было с коми-ижемцами и другими народами в 2002 г.? Не предмет ли это для чисто этнографических исследований?

Ответы на вопрос о национальности у мордвинцев отличаются наибольшим разнообразием. В женском роде встречаются 13 видов ответов: масторава (по эрзя-мордовски буквально «мать-земля», «родина-мать»), мокша, мокшанка, мордвинка, мордвинка-мокша, мордвинка-эрзя, мордовка, мордовка-мокша, мордовка-эрзя, эрзя, эрзя-мордвинка, эрзя-мордовка, эрзянка. В мужском несколько меньше — лишь 9: мокша, мокша-мордвин, мокшанин, мордвин-мокша, мордвин-эрзя, мордвин, эрзя, эрзя-мордвин, эрзянин. Если отвлечься от «масторавы», следует признать, что все остальные термины довольно распространены и это свидетельствует о полнейшей неразберихе в данной сфере¹¹. Например, в Ульяновской области все 68 респондентов мордовской национальности ответили, что они мордвины, мордовки. В Самарской области из 121 человека 96 заявили, что они мордвины, мордвинки, 13 — эрзя-мордвинки, 8 — мордвины-эрзя, 2 — мордвины-мокша, 1 — мокша-мордвин и 1 — мокшанин. В Башкортостане из 35 респондентов 32 — мордвины, мордовки, 1 — мордвин-мокша, 1 — мокша, 1 — эрзя.

Самая большая неразбериха наблюдается в Мордовии, где эта проблема через систему школьного образования могла бы быть решена достаточно быстро. Здесь, говоря о национальности своих матерей, мордвины 197 раз написали «мордвинка», 88 — «мордовка», 17 — «эрзя» или «эрзянка», 10 — «мокша» или «мокшанка», 1, как уже говорилось, — «масторава». В отношении матерей респондентов, назвавшихся русскими, термин «мордовка» встречается 42 раза, «мордвинка» — 38 раз и т.д. В то же время следует отметить, что эти разночтения не свидетельствуют о наличии каких-либо существенных, именно национальных разногласий в мордовской среде. Так, из 586 респондентов, опрошенных в Мордовии, Башкортостане, Самарской и Ульяновской областях, 562 (96,1 %) отнесли себя к мордовской национальности и лишь 23 (3,9 %) не упомянули о ней при ответе на данный вопрос, назвав себя эрзей, эрзянами (15 чел.) мокшей, мокшанами (8 чел.).

Таблица 8
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТА «СОВСЕМ НЕ ЗНАЧИМА»
НА ВОПРОС «В КАКОЙ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМА
ДЛЯ ВАС ВАША НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?» В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ РЕГИОНА И НАЦИОНАЛЬНОСТИ, %

	финны	а
Республика Карелия	финны	1,6
	вепсы	1,4
	русские и другие	6,2
Ямало-Ненецкий АО	ненцы	3,8
	русские и другие	7,5
Республика Башкортостан	мари	4,0
	удмурты	3,7
Ленинградская область	русские и другие	8,1
	вепсы	3,2
	финны	2,7
	русские и другие	5,9

области — по второй.

В целом же больших различий в отношении к собственной национальной принадлежности среди этнических групп в регионах не наблюдается. По первой группе некоторое исключение представляет лишь Мордовия, где для респондентов мордовской национальности она несколько ниже, чем для русских и татар. Так, очень значимой и значимой национальной принадлежностью является для 60,0 % респондентов-мордвы, 70,4 — русских, для 75,8 % татар. При этом доли ответивших «очень значима» среди русских и мордвы различаются несущественно: так считают 21,3 % мордвы, 24,9 — русских и 45,5 % татар, что подтверждает факт самоидентификации последних в качестве культурно выделенного меньшинства. Для русских и мордвы в Республике Мордовия психология меньшинства нехарактерна, это и проявляется в невысокой степени акцентуации этничности.

Однако при анализе ответов на тот же вопрос мордовской диаспоры Самарской и Ульяновской областей обнаруживается противоположное соотношение показателей значимости национальной принадлежности (табл. 9).

Подобное соотношение может означать, что представители мордовского народа в своей республике чувствуют себя более уверенно (обладают более высоким политическим статусом), чем в областях, и реже сталкиваются с дискриминацией по национальному признаку. О том же свидетельствуют, в частности, и результаты анализа ответов на вопрос об эффективности национальной политики, проводимой в областях. В Самарской области 35,5 % представителей мордвы и 21,5 % представителей других национальностей недовольны положением дел в

области национальной политики, в Ульяновской — 22,1 и 14,7% соответственно.

Таким образом, самоидентификация в качестве национального меньшинства характерна и для ряда финно-угорских народов из второй группы регионов, хотя следует иметь в виду, что часть респондентов из этой группы можно отнести к категории этнически мобилизованных.

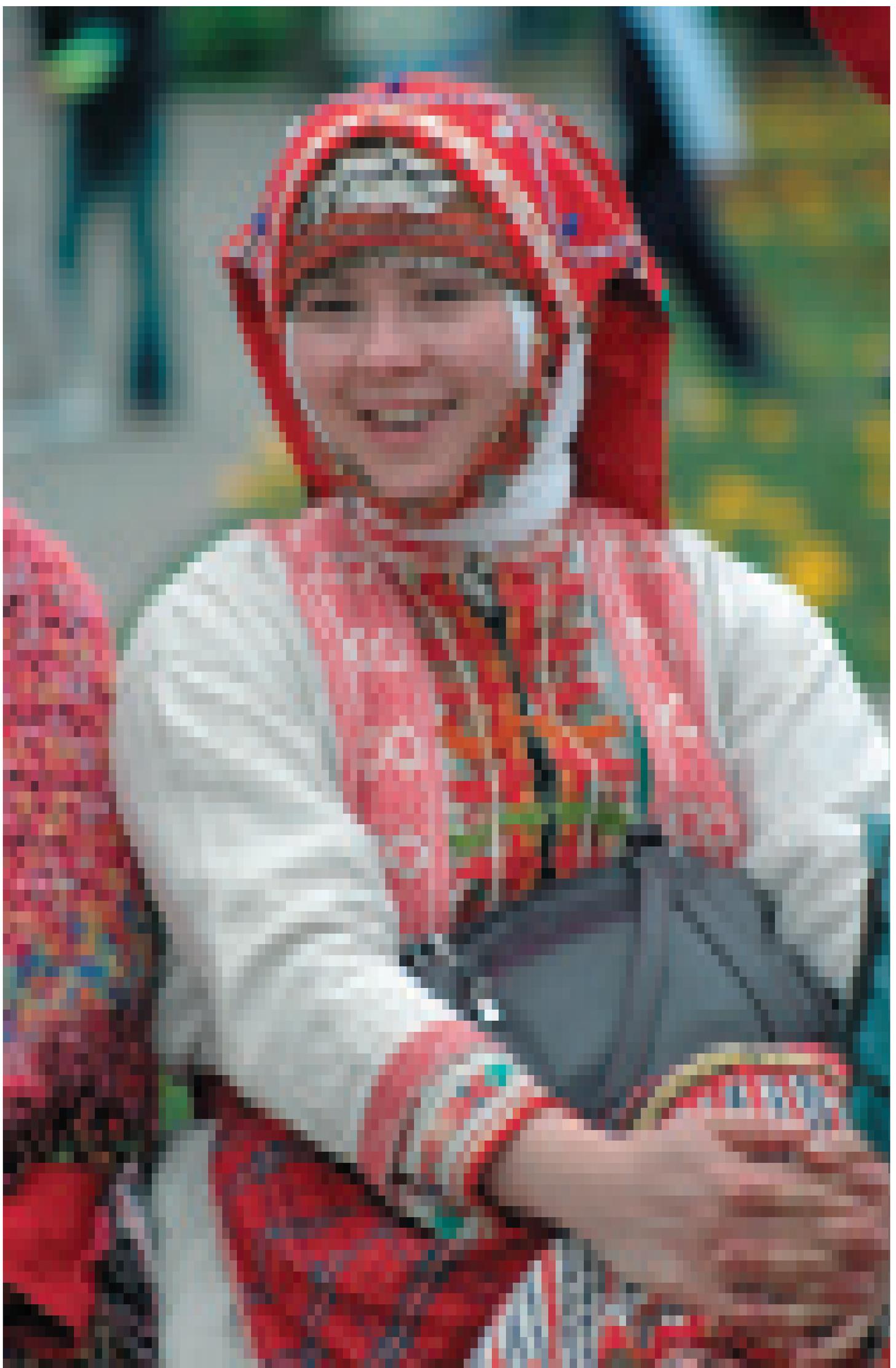
Наибольшая относительная акцентуация этничности наблюдается у финнов в Ленинградской области — более 30 %, у мордвы в Самарской области и ненцев — более 20 %. Причем в структуре значимости национальной принадлежности у ненцев и финнов в Республике Карелия преобладает ответ «очень значима», у карел в Тверской области — «значима».

Своеобразная картина складывается в Республике Башкортостан. Наиболее акцентуированы там мари, численность которых среди финно-угорских народов наибольшая и которые компактно проживают в сельской местности. Меньше «ценят» свою национальную принадлежность представители мордвы, проживающие в основном в городах, и удмурты, диаспора которых относительно малочисленна.

В регионах, где финно-угры не являются представителями «титულных» наций (в разговорной речи их часто называют финно-угорской диаспорой) и составляют весьма незначительную часть населения, наблюдается весьма большой разброс мнений, обусловленный прежде всего региональными особенностями. Тем не менее и в этих регионах подтверждается значимость национальной принадлежности для жителей России. Так же как и в «метрополиях», для мордвин и удмуртов она менее значима по сравнению с другими финно-уграми.

Таблица 9
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «В
КАКОЙ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМА ДЛЯ ВАС ВАША
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?», %

Мордовия	мордва	21,3	38,7	59,9
	русские и другие	25,9	44,9	70,8
	все	24,4	42,9	67,3
Самарская область	мордва	10,7	45,5	56,2
	русские и другие	9,9	25,6	35,5
	все	10,3	35,5	45,9
Ульяновская область	мордва	19,1	51,5	70,6
	русские и другие	16,2	47,1	63,2
	все	17,6	49,3	66,9

Не финно-угорское (главным образом русское) население многонациональных областей Поволжья (Самарской и Ульяновской) придает меньшее значение своей национальности, а финны, наоборот, высоко ценят свою принадлежность к финской нации.

Заметных различий в отношении к значимости своей национальной принадлежности в зависимости от образовательного уровня респондентов по регионам выявлено не было. В некоторых из них отмечается тенденция снижения уровня этой значимости с ростом образовательного уровня. Показательна в данном отношении Республика Мордовия. Здесь только 5,3 % людей с начальным или неполным средним образованием ответили, что для них национальная принадлежность совсем не значима, тогда как в среднем по региону этот показатель равен 10,1 %. Примерно такая же ситуация сложилась в Ульяновской (где также проживают мордвины) и Ленинградской областях. Обратная картина наблюдается в Ямало-Ненецком автономном округе, где на долю респондентов с самым низким образовательным уровнем приходится 9,1 % подобных ответов при 5,7% в среднем по округу. Однако в целом меньше значения придают своей национальной принадлежности люди с высшим образованием. Среди них также достаточно велика доля тех, для кого она совсем не значима (8,6 %), и, наоборот, относительно мала

доля высоко ценящих свой национальный идентитет (табл. 10).

Практически прямо противоположная ситуация характерна для Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Там для людей с высшим образованием национальная принадлежность крайне значима. Разница в соотношении данной значимости между ними и другими образовательными группами респондентов составляет порядка 22—30 %. Однако это скорее исключение из правила — в целом рост образовательного уровня людей не сопряжен с повышением значимости этнической принадлежности, уровня национальной самоидентификации и в конечном счете национального самосознания. Также не выявлена зависимость рассматриваемых показателей от поло-возрастного состава респондентов. Для финно-угорских народов национальная принадлежность чуть более значима, чем для русских, — разница составляет 3,4 %.

Итак, национальный фактор достаточно долгое время играл и сегодня продолжает играть значительную роль в жизни народов и государств. В данном отношении финно-угры мало чем отличаются от представителей других национальностей, большинство из которых также заявили о значимости своей национальной принадлежности. Это говорит, во-первых, о том, что по уровню

Таблица 10
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, В КАКОЙ СТЕПЕНИ ЗНАЧИМА ДЛЯ ВАС ВАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ?», %
(в зависимости от уровня образования)

<i>Республика Мордовия</i>	<i>очень значима</i>	<i>26,3</i>	<i>22,5</i>	<i>24,6</i>	<i>26,2</i>	<i>24,4</i>
	<i>значима</i>	<i>47,4</i>	<i>45,9</i>	<i>47,7</i>	<i>47,1</i>	<i>47,6</i>
<i>Коми-Пермяцкий округ</i>	<i>очень значима</i>	<i>16,7</i>	<i>25,0</i>	<i>22,1</i>	<i>36,4</i>	<i>23,0</i>
	<i>значима</i>	<i>45,8</i>	<i>35,0</i>	<i>46,5</i>	<i>39,4</i>	<i>43,9</i>
<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i>	<i>очень значима</i>	<i>62,5</i>	<i>60,0</i>	<i>68,6</i>	<i>90,9</i>	<i>67,1</i>
	<i>значима</i>	<i>45,5</i>	<i>41,2</i>	<i>55,8</i>	<i>28,6</i>	<i>43,4</i>
<i>Ульяновская область</i>	<i>очень значима</i>	<i>39,8</i>	<i>76,5</i>	<i>90,7</i>	<i>68,6</i>	<i>80,2</i>
	<i>значима</i>	<i>30,0</i>	<i>14,6</i>	<i>18,5</i>	<i>15,0</i>	<i>17,6</i>
<i>Ленинградская область</i>	<i>очень значима</i>	<i>30,0</i>	<i>56,1</i>	<i>46,2</i>	<i>45,0</i>	<i>46,3</i>
	<i>значима</i>	<i>80,0</i>	<i>70,7</i>	<i>64,6</i>	<i>60,0</i>	<i>66,9</i>
	<i>очень значима</i>	<i>30,4</i>	<i>27,2</i>	<i>14,0</i>	<i>0,0</i>	<i>19,1</i>
	<i>значима</i>	<i>52,1</i>	<i>53,3</i>	<i>53,3</i>	<i>56,5</i>	<i>53,7</i>
	<i>всего</i>	<i>82,6</i>	<i>80,9</i>	<i>67,4</i>	<i>56,5</i>	<i>72,8</i>

национального самосознания финно-угры не уступают народам других языковых групп, и, во-вторых, о том, что в указанных регионах национальность, а следовательно, межнациональные отношения еще долго будут актуализированы и еще не одно поколение будет играть большую роль в жизни людей, сохранении социально-политической и социально-экономической стабильности.

Ключевые слова: финно-угорские народы, национальная идентичность, ассимиляция, этносоциология.

Примечания

- ¹ Джунусов М. С. Национализм : слов.-справ. М., 1998. С. 79.
- ² Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов и др. Минск, 2003. С. 344.
- ³ Конюхов А. К. Историческое сознание коми народа: состояние и тенденции развития : дис. ... канд. социол. наук. М., 1993. С. 102—104.
- ⁴ Экспресс-информация по итогам экспертного опроса делегатов VIII съезда коренных малочисленных народов Севера. В период с 7 по 20 декабря 2004 г. сотрудниками Комитета социально-политического анализа и общественных связей Администрации губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры был проведен экспертный опрос делегатов VIII съезда коренных малочисленных народов Севера. Опрос проводился во всех муниципальных образованиях автономного округа, кроме г. Покачи. Всего опрошен 61 респондент.
- ⁵ Социология : энцикл. С. 351.
- ⁶ См.: Этнолингвистическая ситуация в Республике Коми (2003 г.): Отчет по социологическому исследованию / Зубова Р. И., Конюхов А. К., Кузванова О. И. и др. Сыктывкар, 2003.
- ⁷ «Элита — определенная группа, представители которой по своему социальному статусу, общепризнанному авторитету, профессиональным и индивидуальным качествам занимают ведущие позиции в том или ином социальном (национальном) слое, а иногда и в обществе» (цит. по: Социология. Основы общей теории : учеб. для вузов / отв. ред. акад. РАН Г.В. Осипов, действительный член РАЕН Л. Н. Москвичев. М., 2005. С. 888.

- ⁸ Данный вопрос был предусмотрен лишь в инструментарии экспертного опроса в Ижевске, где опрашивались специалисты-языковеды. В Республике Коми в ходе республиканских исследований вопрос об использовании коми-языка на работе задавался в 2003 и 2006 гг. представителям коми и других национальностей. В связи с этим постановка вопросов и альтернативы несколько отличаются друг от друга. Тем не менее сравнения возможны, динамика процесса выявляется.
- ⁹ Джунусов М. С. Национализм. С. 204.
- ¹⁰ Там же. С. 118.
- ¹¹ Совершенно ясно, что из норм русского языка вытекают: «мордвин, мордвинка» как показатели национальности (по аналогии с «латыш, латышка»); «мордовец, мордовка» как указание на место жительства («латвиец, латвийка»). Иногда традиционно употребляется исторический обобщающий термин «мордва» (по аналогии с «литва»). Что же касается терминов «мокша», «эрзя» (по аналогии с татарским «мишари» или русским «скобари»), то это — не национальность, а субэтническая принадлежность, отражающая архаическое, может быть еще племенное, деление. Тем не менее в различных регионах складываются свои традиции (примеч. В.К. Абрамова).
- ¹² Из рукописи Г. И. Шкалиной «Результаты социологического опроса, проведенного в Республике Марий Эл в октябре 2007 г. в рамках проекта «О положении финно-угорских народов в Российской Федерации»». С. 5.